КОГДА РУШАТСЯ СТЕРЕОТИПЫ

Самосовершенствование социализма и общественность Запада

АВТОРИТЕТ СТРАНЫ ВОЗРОС КОЛОССАЛЬНО

В Западном Берлине прошли литературные дискуссии, творческие встречи и вечера на тему «Современная советская литература». В них приняли участие Элем Климов, Валентин Распутин, Булат Окуджава и Алесь Адамович. О проблемах, волнующих западных читателей, о впечатлениях от общения с зарубежной аудиторией сегодняшняя беседа Булата ОКУДЖАВЫ с нашим корреспондентом Геннадием Жаворонковым.

— Булат Шалвович, это не первая ваша деловая поездка за рубеж. Почувствовали ли вы какие-либо перемены в отношении к себе, к нашей стране после того, как такие понятия как перестройка, ускорение, демократизация прочно вошли в нашу жизнь? Легче ли стало вести диалог и находить общий язык с аудиторией?

— Я замечал и до последней поездки в Западный Берлин интерес к нашей стране, к литературе, ко мне лично. Интерес, не более... На этот раз меня поразила доброжелательность, будь это общение с огромным залом, кулуарные споры или случайные встречи на улицах. Если закрывал глаза, то казалось, что я не в чужой стране, а дома, в окружении очень близких и внимательных людей.

Во вторых, все разговоры шли о переменах, о перестройке. Вероятно, это естественно — события, происходящие в такой большой стране, не могут не волновать всех. Удивляло другое — сопереживание ситуации. На мой взгляд, это еще один яркий пример того, что гласность, даже нелюбимая, объединяет людей, вызывает доверие и открытость. Разъединяют недомолвки, скрытность, желание приукрасить. В общей сложности я дал около двадцати интервью. Основной темой были перемены в общественной жизни страны, конкретные события, статьи в газетах и журналах.

Аудитория, конечно же, не была единой. Я бы разделил ее на два далеких лагеря. Первый, не очень большой, скептически.

— Считают, что притворяемся!

— Нет, не притворяемся, а обобщаемся: «У вас такое уже было, все это явление временное...»

Второй лагерь, более многочисленный, переживает все процессы перестройки так, словно все это касается их лично и сами они живут не в Западном Берлине, а у нас. Они даже планируют очередные этапы перестройки, забегая далеко вперед.

Доходило порой до того, что уже я был вынужден выступать в роли скептика, в роли человека, сдерживающего излишние восторги. Я говорил: «Не спешите, не торопите нас, ситуация очень сложная, в один миг и разом не делается ничего. Потребуется время, усилия, опыт, знания, кадры, которых еще мало». В такой необычной роли мне приходилось выступать впервые. Прежде на тебя катили бочку дегтя, в которую ты норовил добавлять ложку меда. Теперь на меня буквально катили бочку с медом, в которую я вынужден был добавлять долю здравого скепсиса. Вот что значит движение вперед, а не топтание на месте. Решая свои собственные проблемы, мы решаем и проблемы мировые. И поэтому тоже нам нельзя останавливаться, нельзя позволить себе расслабиться, потерять темп. Иначе уже завоеванные позиции можно утратить. Наше движение вызвало ответное движение на Западе. Теперь в роли догоняющих — они!

Случались ситуации непривычные, а бы сказал, парадоксальные. Например, однажды ко мне по-

дошла представительница эмигрантского издательства и спросила: «Вы публикуете «Доктора Живаго», Пастернака, произведения Набокова, Гумилева, что же теперь будем издавать мы?»

— Были ли вопросы о том, кто противится перестройке, кто ей мешает?

— Они возникали постоянно. Я отвечал на них так: «Главный враг — это мы сами. Мы все должны переделать свои мозги, свое сознание, создать институт уважения к личности. Научившись уважать личность, мы научимся уважать и человечество. Против и некоторая часть партийного и государственного аппарата, которая привлекла к определенному стилю жизни. Те, кто не хочет шевелиться, меняться, другими глазами смотреть на мир».

— Если раньше приходилось не позволять нас ругать, то теперь вы не позволяли нас перехваливать?

— Вот-вот. Даже приходилось сравнивать нынешнюю ситуацию с положением голодающего человека, которого опасно перекормить — от этого он может умереть. Нужна определенная подготовка, диета, что ли. Нужно готовить людей.

Вот, например, даже такое, казалось бы, простое дело, как введение индивидуальной трудовой деятельности. Мне когда-то казалось, что, разреши ее, и я сам бы открыл подвалчик на Арбате. По субботам там бы пел, готовил какое-нибудь экзотическое блюдо. А сейчас все это разрешено, а что-то особого желания заняться этим делом не испытываю. Подобное ощущают многие. Люди вдруг растерялись перед новыми возможностями. Я понимаю их резон: одни боятся, что все это кончится, другие потеряли нужные навыки, и требуется время, чтобы их вернуть.

— Новое отношение к нам, к нашим делам не увеличило ли внимание к литературе, не поколебало ли точку зрения некоторых критиков, утверждающих, что все наше искусство уже «там»?

— Не поколебало, а опрокинуло. Аудитория всегда внимательно прислушивалась к моим дифирамбам новым произведениям А. Приставкина, А. Рыбакова, Д. Гранина.

При нынешней поездке не могло возникнуть такой смешной ситуации, которая возникла у меня при поездке в Америку. Я вошел с переводчиком в магазин, и продавец спросил, кто я. Переводчик сказал, что это русский писатель. «А!» — сказал продавец, — это Солженицын».

Внимание, внимательность, слушаемость — вот что поражало. Я был на просмотре фильма «Иди и смотри» о зверствах фашизма. Совершенно обалдевшие немцы вставали и спрашивали: «Неужели это могло быть?» Когда какая-то группа молодых людей стала выкрикивать что-то про Афганистан, сами же немцы буквально закрыли им рты, чтобы не мешали. Аудитория не воспользовалась случаем ответить на обвинение упреком.

Обилие доброжелательности, интереса просто потрясло. Один журналист, далеко не наш поклонник, сказал, например, так: «Если у вас все задуманное не получится, то это станет и нашей трагедией!»

ЕСЛИ ВАМ нужен пример целой группы людей, окунувшихся с головой в перестройку, начавших работать по-новому и ставших специалистами по ускорению, взгляните на отряд из более чем трехсот иностранных журналистов, работающих в Москве. Никогда еще нам не приходилось так много работать. Никогда еще нам не приходилось так много осмысливать и писать.

Когда почти три года тому назад я впервые приехал в Москву, мой британский коллега, проработавший здесь все семидесятые, сказал мне: «Будешь целыми днями изучать советские газеты в поисках какой-нибудь крошечной заметки, из которой можно сделать репортаж. Во всяком случае этого хватит, чтобы скоротать время, дожидаясь перемен в Кремле».

Но все оказалось совсем не так. За одну прошлую неделю я получил заявку от голландского журнала на статью о том, что советские люди думают об американцах; от английского юмористического журнала — на обзор московских мод в связи с премьерой «Бурды»; от французского радио — на беседу о перестройке; от австралийской газеты — на статью о вечерах балета в зале Чайковского. Кроме того, порталский еженедельник поручил статью о советских предложениях по разоружению, а ежемесячник британских марксистов ждет от меня материал в 5 тысяч слов о социалистической демократии. Институт советских исследований одного американского университета заказал мне к сентябрю лекцию о «Настроениях в Москве» для конференции в Огайо. В Москву приехали представители трех английских телекомпаний — они хотят встретиться и со мной.

И это — лишь одна неделя, к тому же самая обычная. На Западе сейчас страшный голод на новости из Москвы, и все мои коллеги получают аналогичные просьбы: писать, говорить, разъяснять и анализировать события новой советской революции. В Москве не хватает западных корреспондентов, чтобы удовлетворить всеобщий спрос на такую информацию, хотя журналистский корпус растет на глазах. За те тридцать месяцев, что я пробыл здесь, численность британских корреспондентов почти удвоилась.

А ведь все эти просьбы от разных журналов, газет и радиостанций накладываются на нашу основную работу, а именно: поставлять информацию посланцам нас организациям. Газета «Гардиан», на которую я работаю, выходит ежедневно в Лондоне, Манчестере и Портсмуте и расходится тиражом около 600 тысяч экземпляров. В Англии это довольно крупный тираж для серьезной газеты. В политическом плане наша газета является независимым изданием либерально-прогрессивной ориентации, восходящим ко временам промышленного бума в Манчестере в 1821 г. Позднее она стала ежедневной газетой Фридриха Энгельса.

Чтобы каждый день заполнять свои 32 страницы, редакция требует от московского корреспондента большого объема информации. Обычно нужен репортаж либо о международных отношениях, либо о внутренних делах. По понедельникам пишу в более непринужденном стиле колонку заметок о своей жизни в Москве. Так, за последние несколько недель я в своей колонке описал старый Арбат — одну из моих самых любимых московских улиц; концерт занятой советской рок-группы «Звуки Му»; трения между труппой и режиссером в те-

атре на Таганке и во МХАТе; новые шляпки, купленные женой в магазине «Мода» на Красной Пресне; художественные ярмарки в Битце. По средам я веду гораздо более обширную и серьезную колонку комментария, в которой пытаюсь анализировать меняющуюся в ходе перестройки внутреннюю и внешнюю политику СССР. Помимо этого, бывают казачьи серии из трех статей в неделю. В настоящее время, например, я работаю над серией статей о советском «государстве всеобщего благосостояния», о проблемах здравоохранения, о необходимости социальных мероприятий для обеспечения растущего числа пенсионеров, о реформе образования, о потребности в переподготовке трудящегося населения в связи с переходом на автоматизацию. В общей сложности в среднем мне приходится писать для «Гардиан» около 8 тысяч слов в неделю, то есть среднего объема книги каждые три месяца. А ведь когда меня направляли корреспондентом в Москву, мой редактор говорил, что ждет от меня две-три статьи в неделю.

Вот что такое для меня перестройка: сюжет настолько захватывающий, что весь мир, затаив дыхание, следит за его развитием. Перестройка — это испытание профессиональных качеств всех иностранных корреспондентов. Нам приходится работать на пределе своих возможностей и даже лучше, если хотим идти в ногу с впечатляющими переменами, происходящими сейчас. А ведь есть еще и регулярные пресс-конференции и брифинги в пресс-центре МИД.

Времени всегда не хватает, но его приходится находить, чтобы договориться об интервью с советскими журналистами, экспертами и учеными, поучаствовать в «круглом столе» вроде того, что недавно организовала «Литературная газета», или побывать на дипломатических приемах.

Но я не променял бы свою нынешнюю работу ни на что другое, потому что Советский Союз сегодня — самый захватывающий газетный материал на свете. Это не только усилия по созданию серьезной программы разоружения или стремление модернизировать и реорганизовать неповоротливую экономику, но и стратегия демократизации, делающая перестройку основополагающим политическим событием, значение которого выходит далеко за советские границы.

Когда я разговариваю с советскими друзьями, я никогда не уверен, насколько точно они представляют себе, как сильно деформировали всю схему мировой политики искажения и отступления от социалистических идеалов во времена Сталина. Ими во многом объясняют, например, репрессии, обрушившиеся на каждого десятого «левого» в Америке в самые тяжелые годы «холодной войны», когда маккартистская «охота за ведьмами» поломала карьеры тех представителей американской интеллигенции, которые когда-либо симпатизировали коммунизму, а также трудности, которые переживали и до сих пор переживают в Европе левые силы.

В этой связи одной из наиболее впечатляющих черт перестройки и гласности является нынешнее отношение советского руководства и прессы к противоречиям истории, оценкам ими как положительных, так и отрицательных сторон сталинского периода, и попытка проанализировать причины застоя в стране на рубеже 70—80-х годов. Речь Михаила Горбачева на недавней встрече с советскими журналистами, где он подчеркнул, что в истории СССР не должно быть белых пятен, статьи в советской печати, в которых говорится о необходимости избежать

повторения тех ошибок, что сорвали реформы 1956 и 1964 годов, произвели очень большое впечатление на «левых» в Западной Европе. А январский Пленум ЦК КПСС произвел не менее ошеломляющее впечатление на всех остальных.

Попытки демократизировать советское общество, позволить избирателям самим решать, за кого голосовать, ввести выборы руководителей на промышленных предприятиях — будоражат и волнуют не только сами по себе. Если перестройка пойдет успешно и докажет, что свобода может процветать внутри и посредством социализма, — это не только подтвердит правоту идеалов старых большевиков, но и сможет оказать воздействие на политическое развитие мира, сравнимое разве что с 1917 годом.

Я работаю журналистом уже 15 лет, и за это время писал о революциях в Африке, Азии и Европе. Но я ни разу не присутствовал при революции более необычной и более захватывающей, чем та, что идет сейчас в Советском Союзе. По известному определению, всякая революция есть «езда в неизвестное», приключение с непредсказуемыми потерями, обретенными и результатами. Перестройка подразумевает риск, а ее единственная гарантия — это политика демократизации, то есть опора на народ, на его поддержку и участие.

Главный вопрос для нас, иностранцев, кому повезло находиться в Москве в настоящее время, звучит так: к чему приведет перестройка? Каким сделает она Советский Союз через пять — десять лет? И какое воздействие будет она иметь на стратегический баланс сил в мире, на надежды народов на реальное и долговременное разоружение? Перестройка идет так быстро, бросающая вызов старому образу мышления, мрачным пережиткам прошлого и многочисленным предрассудкам, что любой журналистский материал устаревает прежде, чем его напечатать.

Несмотря на это, в прошлом году я рискнул опубликовать книгу о перестройке и назвал ее «Пробуждающийся гигант». Быть может, потому что это была первая такая книга, ее сейчас печатают в Америке, Испании и Японии и переводят на многие языки мира. И хотя книга была написана почти год назад, стоит процитировать ее заключительный абзац, поскольку он имеет прямое отношение к обязанности иностранного корреспондента, работающего в Москве, и поскольку, на мой взгляд, это и сегодня звучит актуально:

«Запад придется выйти за рамки стереотипов вроде «советские комиссары» и «Гулаг» и попытаться оценить, как здесь все изменилось. Надо понять силу и масштаб социальной революции, породившей хорошо образованных советских руководителей горбачевского поколения. Советский Союз остается страной, о которой мы знаем безнадежно мало. И до тех пор, пока мы не узнаем больше, мы не имеем права выносить суждения, а тем более отменять их предложения как исходно подозрительные. Ведь когда русские читают то, что мы думаем и говорим о них, когда они осознают предвзятость нашего взгляда и наше нежелание учиться, лежащее в основе многих наших рассуждений о Советском Союзе, они склонны замыкаться еще больше. И мы оказываемся в ловушке своих собственных предвзятостей друг о друге, причем и та, и другая сторона оказывается неспособной осознать, что любое общество заслуживает быть оцененным по его стремлениям, а не только по ошибкам, по его способности к переменам, а не только по былым оплошностям. И мы, и они достойны лучшей судьбы».

ГОЛОД НА НОВОСТИ ИЗ МОСКВЫ

Мартин УОЛКЕР,
московский корреспондент газеты «Гардиан» (Англия)